

Новые сочинения Г. П. Данилевского. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

Новые сочинения Г. П. Данилевского. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

(А. Скавронского, автора «Беглых в Новороссии»). Издание исправленное и дополненное А. Ф. Базунова. 2 тома. СПб. 1868

Заглавие этой книги представляет факт самонадеянности, довольно редкой в нашей литературе и, к сожалению, начинающей входить с некоторых пор в обычай. Было время, что самые талантливые наши писатели всегда очень скромно заявляли о себе публике; они не заискивали ее внимания напоминанием о прежних литературных подвигах, но ждали, что публика сама вспомнит об них. И. С. Тургенев, бесспорно, известнейший из ныне действующих повествователей, никогда не именовал себя ни автором «Записок охотника», ни автором «Дворянского гнезда», и за всем тем, публика знала и знает, что это тот самый Тургенев, который написал и «Записки охотника», и «Дворянское гнездо». Ныне являются авторы «Некуда», авторы «Марева», {1} авторы «Беглых в Малороссии» и напоминаниями своими с первого же шага ставят публику в тупик. Что такое «Беглые в Малороссии»? спрашивает себя публика, и следует ли читать «Новые сочинения Г. П. Данилевского» потому только, что он, Скавронский, автор «Беглых в Малороссии»? {2} Согласитесь, что для разрешения этих недоумений следовало бы, по малой мере, прилагать ко вновь издаваемым сочинениям неизвестных знаменитостей библиографические изыскания, которые бы свидетельствовали, что имя Скавронского не выдумка и что «Беглые в Малороссии» действительно были когда-то где-то напечатаны. {3}

К несчастью, в этом случае мы можем помочь нашим читателям очень мало. Нет сомнения, что со временем трудолюбивый наш библиограф, М. Н. Лонгинов, разъяснит вопрос о г. А. Скавронском во всей подробности и даже, быть может, отыщет могилу его; {4} но мы об этом псевдониме знаем так немного, что должны относиться к г. Г. П. Данилевскому, как к писателю начинающему.

С сожалением должны мы сознаться, что этот молодой деятель {5} вносит в нашу скромную литературу элемент совершенно новый – элемент легкомыслия, девизом которому служит известная присказка: «По щучьему веленью, по моему хотенью, стань передо мной, как лист перед травой». Присказка, что большинство наших романистов и повествователей в произведениях своих обращают преимущественное внимание на психологическую разработку характеров и на разрешение тех или других жизненных задач, интересующих общество, фабулу же собственно ставят на отдаленный план, г. Данилевский решил поступить совершенно наоборот, то есть начал писать романы и повести совсем без всякой мысли, с одною фабулой. Коли хотите, в этом могла бы быть своя недурная сторона: на Руси еще так много праздношатающихся, что занять их досуги даже фабулой было бы далеко не бесполезно; но для того чтобы такая цель была достигнута, необходимы, во-первых, сильное воображение, во-вторых, острая память, которая предостерегала бы автора от противоречий, в-третьих, умение распорядиться с материалом таким образом, чтобы фабула казалась сколько-нибудь правдоподобною. Впрочем, это последнее условие нужно только тогда, когда сам автор желает, чтобы на повествование его смотрели как на правдоподобное; если же он заранее говорит: читатель! во всем, что ты имеешь прочитать, нет ни на грош правды! – то читатель и с этим мирится и затем уже ожидает, что, взамен правды, его, по малой мере, попотчуют пребыванием во чреве крокодила и чудесным оттуда освобождением. {6}

Никаких подобных данных в таланте г. Данилевского не усматривается. Хотя и видно, что он всю душу желает сделаться родоначальником школы легкомыслия, но это ему удастся лишь в малой степени. Это слабая попытка, быть может, имеющая принести в будущем сочные плоды – но и только; это, так сказать, первоначальная манера легкомыслия, которая, подобно манере старинных итальянских мастеров, может со временем произвести своих Рафаэлей, но покуда производит только живописцев суздальской школы. Да и дай бог нам дожить до этих Рафаэлей как можно позднее...

Воображение г. Данилевского не отличается ни силой полета, ни разнообразием и колоритностью картин. Нельзя сказать, чтоб фабула его романа «Новые места» была недостаточно сложна; но вместе с тем она страдает такою вялостью в рисовке картин, такою неясностью в изложении фактов, что критика самая добросовестная должна отказать от попытки передать ее содержание. Как человек трудолюбивый, автор очень старательно нанизывает одно происшествие за другим, но из множества

Новые сочинения Г. П. Данилевского. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru отдельных эпизодов, которыми обилует его рассказ, нет ни одного настолько занимательного, чтобы можно было вспомнить о нем даже немедленно по прочтении романа. Бог знает, чего тут нет: и степи, и суслики, и аисты, и исправники, и колонисты, и разбойники, и делатели фальшивых ассигнаций; но ни одному из этих элементов действия не отведено определенного места, все они до того сбиты и спутаны, что читатель не может даже дать себе отчета, суслики ли поймали фальшивых монетчиков или наоборот, или же и тех и других накрыл деятельный исправник Капканчиков. Нет ничего томительнее, как присутствовать при процессе того тяжелого творчества, когда автор останавливается на каждом шагу в раздумье, чем-то придется наполнить следующую страницу и не лучше ли совсем бросить это дело, тем более что тут нужна только решимость раньше против предполагаемого написать слово «конец». Именно такую картину раздумий и сомнений представляют «Новые места»; в романе этом великое множество лиц; но все они не оправдывают не только ожиданий читателя, но даже собственного своего появления. Лица эти толкаются, делают вид, что о чем-то разговаривают и чем-то занимаются, но, в сущности, ни о чем не говорят и ничем не занимаются. Приходит на мысль, что автор взял завалы Куртнеровы диалоги{7} и выписал из них избранные места.

Острою памятью г. Данилевский тоже похвалиться не может; так, например, на стр. 12, говоря о земле, которую герой романа снимает в арендное содержание, автор называет ее целиной и вековиной, а на стр. 16-й оказывается, что земля уже была до этого в двенадцатилетнем содержании и кого-то «кормила да рублевика растила». Понятно, что писатель, который до такой степени неосторожен, что забывает, что он говорил за три-четыре страницы назад, не может внушить к себе ни малейшего доверия. Он может сколько ему угодно утверждать, что герой его брюнет, а читатель будет думать, что он блондин. Он будет твердить, что на Вареньке Чемодаровой женился колонист Чулков, а читатель останется при убеждении, что рукою этой милой женщины завладел злодей Музыкантов.

Отсюда третья, несовместимое с значением основателя школы свойство – неправдоподобие. Г-н Данилевский до такой степени дурно распоряжается своим материалом, что позволяет своему герою в первый же год аренды получить с десятины пшеницы по 20, а с десятины льна по 30 рублей – «в очистку»! И заметьте, что арендная плата за подобную десятину всего полтинник, что в торгах на отдачу земли, кроме Чулкова (человека, занесенного в тот край совершенно случайно), участвовали некоторые местные жители, что Чулков взял в аренду землю только весной, а осенью уже отсчитал себе в карман по 20–30 целковых с десятины в очистку! И все это без всякого труда, по одному щучьему веленью и авторскому хотению! Есть ли тут тень какого-нибудь вероятия и возможно ли без улыбки читать детские похождения этого нового Робинзона, этого белокурого брюнета, который владеет вековиною, двенадцать лет сряду паханною, и получает с нее без труда в самое короткое время более четырех тысяч процентов на рубль?

Столь же мало правдоподобен рассказ и о производстве торгов на эту знаменитую вековину. Во-первых, торги производятся в каком-то городке и в каком-то неизвестном «присутствии», тогда как казенные оброчные статьи, к которым принадлежит и упомянутая вековина, сдаются с торгов в «присутствии» весьма определенном, называемом палатою государственных имуществ. Во-вторых, на торгах этих происходят такие вещи, которые в самом незаконном «присутствии» никогда не допускались и не допускаются по той простой причине, что в них не предстоит никакой надобности. Торгующие шепчутся друг с другом, делают друг другу предложения... и все это перед зеркалом и в глазах чиновников, производящих торг! Согласитесь, что как ни развязны наши чиновники и как ни отзываются наши торги одною формальностью, но подобной нелепой и ненужной бесцеремонности положительно встретить нигде нельзя.

Ясно, что такое отсутствие качеств, столь необходимых для литератора, пишущего без мысли, не может служить рекомендацией для произведений его. Их не заменит ни трудолюбие, ни развязность, хотя эта последняя, в соединении с другими упомянутыми выше свойствами, довольно драгоценна. Читатели не увлекутся автором, не поверят его сказаниям о легкой прибыли в четыре тысячи процентов на рубль и не потянутся вереницей с насиженных мест, с коих получается на рубль 4–6 процентов, на «новые места». Да и благо им будет; увлекись они г. Данилевским – бог знает, как бы еще взглянула на это дело полиция.

Во всяком случае, мы отменно рады, что попытка основать новую литературную школу легкомыслия на первый раз не обещает больших успехов.

Примечания

ОЗ, 1868, № 8, отд. «Новые книги», стр. 152–155 (вып. в свет – 7 августа). Без подписи. Авторство указано (предположительно) Н. В. Яковлевым – Письма, 1924, стр. 52; подтверждено на основании анализа текста С. С. Борщевским – Неизвестные страницы, стр. 538–539.

В рецензируемое Салтыковым двухтомное издание «Новых сочинений» Г. П. Данилевского вошли роман «Новые места», повесть «Фенечка, биография институтки» и два рассказа – «Беглый Лаврушка за границей (Из недавнего прошлого)» и «Охота зимой в Малороссии».

Рецензия на «Новые сочинения» Данилевского (а точнее – роман «Новые места», потому что о других произведениях, вошедших в издание, в рецензии не говорится) была не первым откликом Салтыкова на сочинения этого писателя. Указанием, в первой же строке рецензии, на отличающую его «самонадеянность» Салтыков напоминает читателю о своем выступлении 1863 г. по поводу заметки Данилевского (А. Скавронского) «Литературная подпись», а также о рецензии на романы «Беглые в Новороссии» и «Беглые воротились», напечатанные под общим заглавием «Воля» (см. т. 5 наст. изд.). Позицию Данилевского в «Литературной подписи» Салтыков определил тогда как «хлестаковщину в литературе» и «самохвальство» (см. подробнее т. 5 наст. изд., стр. 636–637). Роман «Воля» Салтыков назвал «совершенно исключительным явлением в современной русской литературе» именно в силу «бесцеремонного служения» его автора «тому, что по-французски зовут словом *blague*[1], а по-русски просто-напросто хлестаковщиной» (там же, стр. 408). Всем этим оценкам соответствует в настоящей рецензии характеристика Данилевского как писателя, желающего, хотя и безуспешно, стать «родоначальником школы легкомыслия» в литературе. А через полгода, рецензируя постановку «Мещанской семьи» Авдеева, Салтыков вновь упомянул Данилевского (впрочем, не называя его) как «специалиста по части легкомыслия».

В романе «Новые места», первоначально напечатанном в 1867 г. в «Русском вестнике» Каткова, отдана дань и характерной для журнала «антинигилистической» теме. Как свидетельствовал сын писателя М. Г. Данилевский, «центром романа Г. П. избрал волновавшую тогда весь юг скандальную историю подделки государственных серий людьми передовой провинциальной интеллигенции»[2].

В рецензиях 1864 и 1868 гг., критикуя тот тип романа, который был создан Данилевским, Салтыков высказал ряд принципиальных литературно-теоретических положений. Он не случайно назвал этот роман «исключительным явлением» и связал его с традицией А. Дюма и Фейля. Эту традицию, в первую очередь, характеризует «внешний, чисто сказочный интерес», чуждый русской литературе, которую, со времен Белинского, всегда отличало «воздержное и трезвое отношение к действительности». Салтыков обосновывает очень важную для его эстетики идею внутренней сущности драматизма и комизма (рецензия 1864 г.; ср. также его статью «Передвижная художественная выставка», стр. 228). В рецензии на «Новые сочинения» Салтыков вновь противопоставляет Данилевского «большинству наших романистов и повествователей», которые «обращают преимущественное внимание на психологическую разработку характеров и на разрешение тех или других жизненных задач, интересующих общество, фабулу же собственно ставят на отдаленный план». Преимущественное внимание к «фабуле», к занимательности отбрасывает, по мнению Салтыкова, творчество Данилевского к литературной эпохе до Белинского.

Впоследствии Данилевский с большим успехом испытал свои силы в жанре не современного, а занимательного исторического романа.

Сноски

1
бахвальство

2
«Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке», Харьков, 1893, стр. 61

Комментарии

1

Новые сочинения Г. П. Данилевского. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
...авторы «Некуда», авторы «Марева»... – Н. С. Лесков (М. Стебницкий), В. П. Ключников.

2

«Беглые в Малороссии». – Салтыков здесь и далее, возможно умышленно (ср. его заметку о «Литературной подписи»), называет роман Данилевского неточно; надо: «Беглые в Новороссии».

3

...»Беглые в Малороссии» действительно были когда-то напечатаны. – Роман Данилевского печатался в журнале «Время» (1862, №№ 1 и 2). Там же было напечатано и продолжение – «Беглые воротились» (1863, №№ 1, 2 и 3).

4

М. Н. Лонгинов... быть может, отыщет могилу его... – Эта сатирическая формула, высмеивающая «нашего библиографа и гробокопателя» Лонгинова, впервые была употреблена Салтыковым в фельетоне «Характеры» (см. т. 4 наст. изд., стр. 198). Здесь она одновременно указывает на забвение, постигшее первые романы Данилевского.

5

...этот молодой деятель... – Литературная деятельность Данилевского началась еще в 40-х годах. Однако первым произведением, принесшим ему известность, был роман «Беглые в Новороссии».

6

...взамен правды, его, по малой мере, попотчуют пребыванием во чреве крокодила и чудесным оттуда освобождением. – Речь идет о рассказе Достоевского «Крокодил» («Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» – «Эпоха», 1865, № 2). Рассказ Достоевского не закончен, и «чудесное освобождение» из чрева крокодила в нем изображено не было.

7 Куртнеровы диалоги – учебное пособие по французскому языку, составителем которого был преподаватель Московского университета Ф. Ф. Куртнер.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!